

РОМАН Ю. КУНЧИНАСА «ТУУЛА»:
ДИСКУРС МАРГИНАЛЬНОГО¹

Настоящая статья рассматривает дискурс маргинального в романе «Туула» известного литовского прозаика, поэта, эссеиста Ю. Кунчинаса. Автором настоящей статьи было выявлено, что данный роман – политематическое и многослойное произведение, в котором поэтика безумного и эротического переплетена с философией бродяжничества, механизмом превращения человека в бродягу и психологией люмпена. Маргиналы и люмпены Ю. Кунчинаса способны сохранить человеческое достоинство даже тоталитарном обществе.

Ю. Кунчинас, маргинал, маргинальное, философия бродяжничества, поэтика, дискурс.

Юргис Кунчинас (*Jurgis Kunčinas, 1947 – 2002*) – известный литовский прозаик, поэт, эссеист. Он является автором шести сборников поэзии, семи книг рассказов (в том числе и для детей) и, наконец, семи романов. Ю. Кунчинас также писал киносценарии, пьесы для радио, переводил немецкую литературу на литовский язык. Заниматься последним позволяло его образование – Ю. Кунчинас изучал немецкий язык и немецкую литературу с 1964 по 1968 в Вильнюсском университете, но, как и герой романа «Туула», был изгнан оттуда. Его собственные произведения переведены на русский, немецкий, шведский, эстонский, латышский, польский, английский и другие языки мира.

Самый известный роман Ю. Кунчинаса – роман «Туула» («*Tūla*», 1993), который был признан лучшей литовской книгой 1993 года и удостоен премии Союза писателей Литвы. Это, однако, не первое признание его творчества. Журнал «*Nemunas*» не единожды награждал Ю. Кунчинаса за прозу и поэзию. Роман «Туула» был впервые опубликован в русском переводе в 2008 году питерским издательством Ивана Лимбаха [3].

«Туула» – роман-признание, роман-исповедь, в котором юмор, ирония, грусть, одиночество – так часто у Ю. Кунчинаса – перемежаются между собой и растворяются друг в друге.

В романе можно выделить три плоскости: во-первых, это повествование о любовниках и их невозможной, недостижимой, но в то же время такой невероятной и страстной любви: «а сейчас я закрою тебя своим телом, пока ты еще чувствуешь мои бедра на своих, лежа здесь, в зарослях лопухов <...>»,

¹ Работа выполнена в рамках стажировки автора в Литовском эдукологическом университете (Lithuanian University of Educational Sciences) по гранту на проведение научного исследования от образовательного фонда Education Exchanges Support Foundation (октябрь – декабрь 2014 г.).

пока шепчешь мне: вжимай, вжимай меня в землю, ну же, сильнее!... И я чувствую, как проваливаюсь все глубже <...>. Давай откатимся в сторону, только не размыкай объятий, ни за что не размыкай – вцепись в меня ногтями, держи руками и ногами <...>. Танцуй, танцуй, это наш с тобой последний танец... лей вино мне на лицо, смой с него грязь, а потом я умою им тебя <...>. Я обмою тебя и уложу твоё тело на крытом мосту, прикрою зеленым лопухом – зеленым, как изумруд, как разбитая пивная бутылка <...>. Сядь... я дотащу тебя до прохладной воды, до мутной, темной воды, уложу тебя на плоском валуне... ложись, полежи, а текущий мимо нечистый пузырящийся поток почернеет еще больше от грязи, от плывущей по течению грязи наших тел, все дальше по течению, туда, откуда не возвращаются» [3, с. 259 – 266]. Описанию последней ночи – «лопуховой ночи» – героя с Туулой целиком посвящена XII глава романа.

Также настоящий роман – это повествование о любви к Вильнюсу, правда часто пьяными глазами и нетрезвым сознанием героя. И, в-третьих, это комментарий социального характера о позднем советском периоде. Ю. Кунчинас изображает общество, которое выпадает из советского строя.

Вербализация чувства любви к женщине по имени Туула (ее имя означает «некая», «некто») прерывается чередой событий, чувством ностальгии, воспоминаниями рассказчика, образным описанием Вильнюса и его пригородов, окрестностей, особенно района Заречье (Ужуписа) (географически этот район расположен чуть на восток от Старого города и долгое время являлся местом проживания бомжей, маргиналов, авангардистов, которые с крушением советской власти основали Независимую Зареченскую Республику). Вот что по этому поводу отмечает известный литовский поэт, переводчик, литературовед, эссеист, диссидент и правозащитник Томас Венцлова: «сюжет ускользает, расплывается во фрагментах, неожиданных шагах в сторону, озорном нарушении правил. Порою тут присутствуют и некоторая зыбкость вкуса, и экзальтация, но чего нет, так это вранья: есть горькое, чреватое бедой шутовство, есть неизбежный вильнюсский романтизм, есть поглощенность темой» [1, с. 10]. Действие романа всегда динамично: события развиваются то в Вильнюсе, то в Каунасе, то в Клайпеде. Герой путешествует в Днепропетровск, Запорожье, Крым, наконец, в Минск. При этом он вынужден проводить время на вокзалах, о которых Ю. Кунчинас – и весьма справедливо – отзывается следующим образом: «На всех вокзалах стоит неистребимый запах мастики вперемешку с мочой, эти ароматы насквозь пропитали камень, бетон, даже гранит и металл. Различимый издали запах имперского величия... от Москвы до самых до окраин.... От Тихого океана до захваченного Кёнигсберга» [3, с. 216].

Итак, «Туула» – роман о любви, «упоительной» и «целостной», которая описана довольно откровенно. «Туула» – роман и об одиночестве, скитаниях и тревоге. Но главное, что произведение повествует о социальном и психоло-

гическом состоянии и положении тех, кто не был способен (или не хотел) адаптироваться к советской тоталитарной системе.

Центральной темой романа является повседневность маргиналов советской эпохи, их бегство от действительности, которое возможно при помощи иронического отношения к себе (окружающим)⁽¹⁾ и алкоголя. Прибегая к последнему, они стараются избавиться от охватившего их чувства бессмысленности существования. Автор повествует о самочувствии тех, кто не вписался в систему, но способных в любых условиях сохранить человеческое достоинство: про таких как он сам – в «лоснящихся на локтях пиджачках, с непросыхающей каплей под носом» [3, с. 52].

«Те» всегда были близки самому писателю. «Я всегда находился в окружении **настоящих людей (иногда среди потерянных душ)**, – пишет Ю. Кунчинас в очерке «О своей работе», – а не среди партийных и функционеров и им подобных, которые пытались сделать себе имя при советской системе [выделено нами. – Д.П.]»⁽²⁾ [4, р. 136]. И далее он продолжает: «Я не верю, что литература должна морализировать. Нет ничего хуже, чем дидактическая литература (даже мелодрама лучше). Возможно, литература может только мотивировать, очаровывать, вызывать гнев или порождать различные эмоции» [4, р. 138].

Действительно, роман «Туула», который Т. Венцлова назвал «романом без вранья» [1], вряд ли оставит даже искушенного читателя равнодушным. Кого-то привлечет поэтика эротического, кому-то по душе придется автобиографический элемент (им отмечены почти все романы и рассказы писателя), кто-то будет следовать по стопам рассказчика и открывать для себя свой Вильнюс.

«Сам не знаю, могу ли я любить город, в котором испытал столько унижений, неудач и такую нужду. Зато я познал его в той мере, в какой мне было суждено это сделать» [3, с. 49], – так писал про литовскую столицу Ю. Кунчинас. Писатель чувствовал этот город, он остался верным Вильнюсу до конца своих дней. «Сам Кунчинас, – указывает Т. Венцлова, – такой же подлинно вильнюсский автор, как поляки Адам Мицкевич и Чеслав Милош, или евреи Моше Кульбак и Хаим Граде» [1, с. 9].

Роман «Туула» – это также и песнь Вильнюсу. Причем автор ни сколько не идеализирует этот город, «опутанный сетями, утыканный радарными, запретительными знаками, заслонами и разного рода помехами, изнуренный безрадостной жизнью и тем не менее ненасытный, голодный и жадный» [3, с. 65]. Даже в грязи, в пыли города Ю. Кунчинас видел жизнь и ее проявления, иногда сквозь призму фотографичности и натуралистической эстетики. По «Тууле» и рассказам писателя «можно восстановить топографию Вильнюса, как по Джойсу – топографию Дублина» [1, с. 9], – небезосновательно считает Т. Венцлова.

Вот с каким трепетом описывает повествователь литовскую столицу из окон Тюрьмы пьяниц ранней весной: «я <...> остолбенел: озаренный золо-

тым светом, вдалеке и вблизи искрился и тихонько жужжал еще безлистый, но уже украшенный почками Вильнюс» [3, с. 170].

Вильнюс, «всосавший тебя и меня в свою темную утробу и выплюнувший потом вместе с тиной, глиной, разными черепками и банками-склянками, с устаревшими деньгами» [3, с. 15], навсегда останется в памяти героя городом, где он испытал свою любовь.

«Говори со мной, Туула <...>, скажи, что напомнит нам о привязчивой, как заразная болезнь, любви, так и не высказанной в средневековых двориках, зато не запятнанной городской грязью, такой запоздалой и никому не нужной любви» [3, с. 13 – 14], – так начинается повествование.

Связь героя с Туулой длилась всего неделю, но воспоминания о ней, визуализация ее образа в памяти – единственное, что аксиологически значимо для рассказчика в его бесцельном и нетрезвом существовании: «я мечтал постоянно быть с Туулой <...>, пить вино <...>, шататься по пронизанному сыростью и покрытому сажей городу <...>. Постепенно сесть, стариться, молоть с каждым разом все более откровенную чепуху – вероятно, именно так и должны жить двое людей, которым нечего терять, которые ничего особенного не ждут ни от мира, ни от самих себя <...>. Мне было чуть за тридцать. Туула – на шесть лет моложе» [3, с. 115]. Однако этим мечтам не суждено было сбыться.

Туула – «молодой дизайнер, девушка, которая не имела ни малейшего представления, что ей нужно в этом квартале, в Вильнюсе, да и вообще в мире» [3, с. 36]. Будучи родом из Каунаса, Туула вынуждена снимать жилье. «Убогое» жилище Туулы в Заречье (комнатка в ветхом доме) находилось между двумя мостами – крытым, современным и грузовым, бетонным. Крытый мостик был почти шикарен, в плохую погоду на нем застывали юные парочки, по нему «шаркали» профессора. Эти два моста как бы ведут в два разных мира: добропочтенный и неблагополучный. Тот факт, что герои романа попадали в «темную утробу Заречья», «запойное Заречье», в «клоаку Заречья», в пропахший «помоями, керосином и уксусом двор» [3, с. 37] по второму мосту говорит о том, что они самостоятельно и добровольно определяли свой маргинальный статус: «бедность, безнадежность, пьяные песни <...> устремлялись <...> только по второму, бетонному, мосту» [3, с. 20]. Однако именно второй мост, ведущий в тот, Другой мир, косвенно связан – как и некоторые обитатели Заречья – с миром культуры и искусства. Вот с каким чувством иронии пишет об этом Ю. Кунчинас: «Власти задумали построить мост не для удобства плебеев и завсегдатаев значных мест, а для того, чтобы ближе было возить кирпич, арматуру и панели для строительства Дворца изобразительных искусств. Все необходимое для островка искусства в мире нищеты» [3, с. 20]. Далее повествователь описывает этот район не просто «нищим» и неблагополучным: «при виде этого хрипящего, залитого кровью, кишашего крысами и людьми – бродягами, бедняками, больными, инвалидами, нищими духом – квартала <...> у меня багровеет шея, начинает кру-

житься голова – нет, нет, никакого просвета» [3, с. 31]. А вот каким Ужупис предстает в воспоминаниях Т. Венцлова (книга «Вильнюс: Город в Европе» [2]): «Если мы пройдемся по ущелью Вильни против потока, мы скоро окажемся в Ужуписе. В годы моего детства и юности это был почти деревенский район, здесь цвела черемуха, лаяли собаки, пели петухи, в кустах сирени прятались деревянные сортиры, женщины полоскали белье в речке, мужчины во дворах пилили доски, девушки выходили на улицу в тапках, а то и босиком» [2, с. 14]. И далее он продолжает: «Недавно умерший писатель Юргис Кунчинас, пьяница и человек богемы, с которым я приятельствовал, сумел передать дух Ужуписа в своих романах о бедности, случайных связях и тяжелой руке коммунистической власти» [2, с. 14].

Описание района Ю. Кунчинасом явно диссонирует с внутренним состоянием героев: «я <...> наливал Тууле вино, целовал ее волосы и уши <...>, проникал в ее плоское, узкое и уже такое родное тело, ни о чем ее не спрашивая, – душа парила под сводами и как бы со стороны наблюдала за нами» [3, с. 119].

Встретившись, эти две блуждающие души сразу же почувствовали внутреннюю близость и сходство. Как и герой романа, Туула тоже близка ко дну. Она тоже была в принципе одинока, и именно одиночество сводит эти две души вместе: «нас одновременно пронзило острое желание спастись, счастливый инстинкт опрокинул нас на твою убогую постель и не разочаровал» [3, с. 111]. Именно «Туула заставила меня оттолкнуться ногами от илистого дна, отряхнуться и хотя бы раз посмотреть вокруг» [3, с. 110]. Герой осознает, что хочет жить, а причиной этому – Туула. В связи с этим главный вопрос романа, кажется, звучит следующим образом: как должны жить эти люмпены, «отщепенцы» в обществе, чтобы выжить? Готового и однозначного ответа в романе, естественно, нет.

После отъезда Туулы с родителями в сторону к белорусской границе в ее комнате «человеческого духа <...> не осталось и в помине. Не пахнет больше телом Туулы, ее волосами и даже пропыленными папками» [3, с. 57]. Комната стала похожа на старый кладбищенский склеп (в дальнейшем было решено, что на месте дома будет построена студия живописи для детей), и на повествователя «накатил бесконечная тоска: это была тоска, вызванная одиночеством, наступающей ночью, тоска летучей мыши, висящей вниз головой над твоим ложем, Туула, – летучей мыши, которая никогда больше не опустится на твое тело» [3, с. 70].

Отметим, что автор время от времени превращается в летучую мышь, точнее он обладает данной способностью и может видеть свою возлюбленную тогда, когда это невозможно в реальной жизни. Этот фантастический элемент довольно умело и уместно вплетен в повествование: «я влетаю и, вцепившись лапками в скошенный сводчатый потолок твоей комнаты, слушаю, как ты дышишь, как тает иней на твоих альвеолах, как, обращаясь по кругу в твоём сонном теле, кровь завершает еще один оборот, как незаметно

для себя ты ведешь разговор с плесневеющим на картине хлебом, с полными воспоминаний коробками-ящиками; я вижу в лунном свете твои удлинённые кости и остов таза, перламутровый череп под стриженными волосами, вижу, как по твоему животу ползет маленькая светящаяся букашка, как она проваливается в ямку пупка и никак не может выбраться оттуда – настолько мала» [3, с. 17].

Герой делит свою жизнь на три периода: жизнь до Туулы, жизнь с Туулой и жизнь после Туулы. До встречи с Туулой он проживал бродяжническую жизнь среди «мрачных» и «злых» бомжей. Повествователь никогда не знал, где заночует следующей ночью, «не предполагал, куда занесет меня не легкая и не станет ли наступивший день роковым» [3, с. 78]. У героя нет своего жилья, он постоянно живет то там, то здесь. Он ночует и в костеле, и в пансионате за городом, и в сараюшке у лентописца; его жилищем был и чердак общежития аспирантов, даже сосновый гроб. В студенческие годы его пристанищем была университетская фотолаборатория. Нередко он «обнаруживал в своей постели незнакомых мужчин и женщин» [3, с. 30]. Ему довелось «просыпаться рядом с умершим бродягой в трубе теплотрассы, умыться чужой кровью в уличной поножовщине, тарашиться неподвижным взглядом на пьяного приятеля, который повесился, встав на колени, на наросте березы» [3, с. 238].

Все его пожитки – несколько книг и кое-какая одежда. Он находит и тащит «выброшенный кем-то белый шкаф с овальным зеркалом, секретером и мастерски сработанной выемкой для умывальника» [3, с. 40]. Герой является люмпеном, бродягой, он принадлежит к касте неудачников. Вот как он сам пишет про себя: «я снова бродяга, вольный казак, хозяин известных только мне маршрутов!» [3, с. 133].

В романе описывается Неделю отлова бродяг: «с ее началом рядовые исполнители и их начальники, чаще всего при помощи пенсионерок и истосковавшихся по активной деятельности офицеров запаса, выцарапывали, как тараканов или сверчков, изо всех щелей, дыр, теплотрасс и полуподвалов аварийных домов разных бедолаг, голоштанников, хромоногих, распутников, пьяниц <...> и вплотную забивали ими и без того переполненные “камеры временного содержания”» [3, с. 78 – 79].

Автор создает теорию бродяжничества, раскрывает психологию бродяги и показывает механизм порождения человека в бродягу. Так, бродяге «некогда заниматься самоедством, сидеть сиднем, обхватив в отчаянии голову руками. Нужно неустанно, каждую минуту беречь свою жизнь, думать только о сегодняшнем дне и данном часе, беспокоиться о том, что ты будешь есть, пить, где заночуешь» [3, с. 96]. Далее рассказчик указывает на то, что бродяжьи свойства в человеке проявляются не сразу: «долгое время он стыдится своей бедности, испытывает неловкость, когда его провожают взглядами прохожие <...>. Со временем эти ощущения притупляются, сглаживаются, и жизнь под открытым небом становится гораздо более сносной» [3, с. 96]. У

человека появляется много знакомых из того круга, которых он раньше не замечал. Повествователь также устанавливает возрастной ценз: «после тридцати нормальному человеку уже не положено быть бродягой, разве что бездомным.... Нормальные тридцатилетние, у которых был шанс стать бродягами, или уже сошли в могилу, или обладают тем, что называется жилищем, гнездом, домом» [3, с. 97].

Однако герой среди и этих маргиналов не становится «своим». Он и чужероден своим сверстникам. Его тянет к людям с «прочным» положением, однако, и тут он – по понятным причинам – терпит фиаско. Героя, естественно, не принимают и родители Туулы: «они ждали здоровилу, а ты привезла какого-то праздношатающегося типчика в потертом полупальтишке и затасканной шапке» [3, с. 130]. Или, например, с нескрываемой неприязнью встречает его в Клайпеде знакомая по имени Рододендра Розенблюме.

Повествователя окружают представители гетерогенных классов и общностей (в большей степени маргинальных): старухи, строители, рабочие, «желторотые» наркоманы, юные девицы, «любопытствующие» сумасброды, спившаяся (спивающаяся) интеллигенция, бомжи, сатанисты, влюбленные парочки, подростки, женщины «с тонкими синюшными ножками, в потрепанных пальтишках», пациенты сумасшедшего дома, «паршивые» мужичонки, незнакомые мужики с наколками на груди, вернувшиеся из тюрем или психушек, забулдыги, самозванцы и настоящие художники, студенты с «лицами дебилов и гениев» и другие. «Его герои, коими часто являются пьяницы и бродяги, могут быть сравнимы с героями произведений Ч. Буковски и литературы битников», – пишут авторы-составители антологии современной литовской литературы «Социальное изменение» [5, р. 36].

Примерно таков же контингент одного из излюбленных мест героя, как и вильнюсских люмпенов, кафе на втором этаже гастронома «Ритас», где спиртное продавалось почти без наценки. «По воскресеньям там собирались жаждущие опохмелиться ословелые художники, поссорившиеся с женами интеллигенты, небритые, с засаленными волосами уличные “пахари” – довольно унылая, но зато и неагрессивная разношерстная публика» [3, с. 86]. Это кафе было островком тепла и относительного покоя в «неприятном, голодном, утопающем в легкой дымке городе» [3, с. 87].

В связи с этим автор порой воссоздает фотографическую и натуралистическую действительность, которая связана с маргинальностью как таковой: «я застал в кухне странную пару – зачуханный мужичонка и немая старуха с паршивым щенком: они здесь и ели, и спали, и испражнялись – прямо на кухне. На листе жести разводили костерок, что-то варили» [3, с. 58]. Или, например: «своды <...> были так грязны от копоти и сплошь покрыты темными жирными катышками, сажей, паутиной, дохлыми мухами... я улавливал слабый запах воска, мази, мочи и несвежей пищи – рядом находилась кухня» [3, с. 61].

В романе даже присутствует описание морга: «я увидел на оцинкованном столе обнаженный <...> труп с раскромсанным животом <...>. Два дюжих парня в белых халатах, изредка поглядывая на своего раскромсанным пациента и вроде что-то проделывая над ним, снова оборачивались к замазанному окну, наливали что-то в мензурку, выпивали, морщились, закрывали глаза и хватали горбушку хлеба» [3, с. 62 – 63].

Мир глазами героя «был наполнен бедностью, страхом, неведением, насилием и космическими загадками» [3, с. 118]. Повествователя постоянно сопровождают периоды потерянности и полного безденежья; он выбирает риск, игру, голодуху, бессмыслицу. Становится объяснимым, почему жизненным кредо героя романа является любимое выражение Б. Муссолини «*Vivere pericolosamente!*», что означает «Жить в опасности!». Герой романа и выбирает для себя подобное существование: во мрак и в бездомность.

Топосы для такого существования различны. Это переулки, одичавшие парки, площади и пустыри Вильнюса, обрывы над Вилейкой, мостики через нее, кладбища, подвалы и полуподвалы, откосы, закоулки, дворы. Героя окружает мрачное и серое пространство. Может быть, это и есть истинная стихия героя и ему подобных? Вряд ли, ибо не хочется выходить «на грязную улицу, к крысам, бездомным кошкам и ошивающимся целый день напролет <...> людям» [3, с. 31], туда, где пахнет «сажей, мыльными помоями, кошачьим пометом» [3, с. 20]. Однако он понимает свою инаковость; герой приходит к осознанию того, что он обречен жить в потемках, постоянно опасаясь людей – подобно летучей мыши – и не появляться даже в сумерках.

На два месяца герой нашел себе пристанище во Втором отделении больницы для алкоголиков. Заметим, что сам Ю. Кунчинас лечился от алкоголизма в схожем учреждении. Как уже указывалось нами выше, романы Ю. Кунчинаса автобиографичны, однако, как пишет Т. Венцлова, «многое в них преобразено сюрреализмом и гротеском» [1, с. 6]. С этим нельзя не согласиться.

Пациенты Второго отделения «поселялись в кокетливом на вид, построенном в дачном стиле бараке и валялись тут чуть ли не месяц, глотали витамины и транквилизаторы, развращали на досуге юных полудурочек, которых и в живописном парке больницы, и в лесочке вокруг психушки было хоть пруд пруди» [3, с. 145]. В этом бараке находились только мужчины-алкоголики, а рядом, по-соседству, в других отделениях, которые находились за высоким проволочным забором, «тихо сходили с ума будущие самоубийцы, пригожие юноши-депрессанты, кудрявые шизофреники с орлиными носами и горящими взорами, студенты-неудачники, предпочитавшие лучше полежать в дурдоме, чем идти в армию, конфликтующие с родителями истеричные подростки <...> и одинокие старички» [3, с. 145].

Для героя даже эта больница была комфортней по сравнению с бесцельным скитанием по улицам Вильнюса. Он даже был зачислен (по собственному желанию) в экспериментальную группу. Пациенты ложились на ку-

шетки, а доктор произносил приятные и благозвучные слова, заставляя последних расслабиться. Потом он обличал пиво, вино, водку и приказывал пациентам рты и плескал туда водку. «Или же просто выливал ее как попало – брызги попадали мимо рта, на лицо, в глаза» [3, с. 147]. Целью его лечения было вызвать отвращение к водке. «На полу под кушетками стояли красные и синие пластмассовые ведерца, но далеко не каждый из нас под воздействием омочившей губы водки в них блевал <...>. Блюющие здесь всячески поощрялись и ставились в пример неблюющим» [3, с. 147].

Постепенно герой стал чувствовать, что ему есть куда вернуться; то есть у него появилось чувство Дома: «вот уже третью неделю барак дачного типа был для меня и кормушкой, и ночлежкой» [3, с. 152].

Кстати, как позже выяснит повествователь, Туулу должны были поместить в Первое отделение больницы к слегка чокнутым и неудачникам, которые страдали от романтической депрессии. Но мать Туулы, узнав, что в этой же больнице находится и герой, отказалась от своего намерения. «Да, Туула, ведь ты только благодаря мне избежала сумасшедшего дома <...>, полудурков-практикантов с их тестами в папках и прочих дурдомовских развлечений» [3, с. 163].

В конце концов, герой попадает туда, «куда и положено попасть бездомному с вечным запахом перегара» [3, с. 169] – в Тюрьму пьяниц, где он «смирился с рутинной, вонью, конвейером, постоянными унижениями и нескрываемым презрением» [3, с. 168]. Принципы лечения этих «дохляков», «подонков», «ничтожеств» не были новы и оригинальны: «сначала тоже вызывали рвоту, только уже более жестоким, насильственным способом – с помощью уколов апоморфина, а затем, под конец наших мучений, заставляли глотать омерзительный белый порошок» [3, с. 168]. Не имея вообще никого крова над головой, некоторые заключенные, совершив побег, сами возвращались сюда, другие хотели продлить свое пребывание там: «как только громкоговоритель принимался перечислять на весь лагерь тех, кого после лечения отпускают на волю, этим бедолагам впору было затыкать уши – так сильно боялся каждый из них услышать свою фамилию. Да и куда было идти им, этим полуживым отказникам, бездомным, давным-давно не представлявшим угрозы ни другим, ни самим себе» [3, с. 189].

Освободившись, герой еще пару раз встречается Туулу, но думает и бредит о ней постоянно. Однако после «лопуховой ночи» (это произошло семь лет спустя их знакомства) он больше никогда ее не видел. Долгое время он даже не знал, что ее больше нет в живых, а потом не знал, где она похоронена. Оказывается, что Туула сгорела в бане на берегу лесной речки. «Горстку пепла да кучку костей» [3, с. 270] закопали в лесу в круглой коробке от киноплёнки. Герой находит ее прах: «я откопаю тебя и увезу из этих лесов – а ведь ты наверняка думала, что я позабыл, предал, похоронил?... Нет. Ты все еще моя» [3, с. 279] и перезахоранивает его в том самом доме, где когда-то жила Туула. Так закончилась ее судьба, судьба героя-маргинала.

Итак, роман Ю. Кунчинаса «Туула» – политематическое произведение, в котором поэтика безумного (отличная от той у М. Фуко), эротического, алкоголического переплетена с философией бродяжничества, механизмом превращения человека в бродягу и, естественно, психологией люмпена. Но в первую очередь – и это главное – настоящий роман является повествованием о маргиналах как таковых, а, значит, это и дискурс маргинального. Характерно, что эти маргиналы и люмпены способны сохранить человеческое достоинство в «этом несовершенном, заплеванном» и «загаженном» мире.

Примечания

⁽¹⁾ Наиболее интересными примерами иронии в романе мы считаем, например, следующие: «одна из дочерей Дашевской родила (господи, чуть не оговорился – оценилась!) еще двоих ребятишек» [3, с. 36]; «ого-го, Туулина бабушка! Наверняка в ее жилах тоже текла голубая кровь, об этом, между прочим, проговорила моя мать.... Как жаждал я тогда, чтобы эта старушенция хоть раз порезала палец!» [3, с. 45]; «она встретила меня под руку с шатающейся Кайрой Примеа, спившейся эстонкой, которая чуть ли ни на три года застряла в Вильнюсе в командировке» [3, с. 53]; «вот она ты, Туула! Голова сфинкса, длинный изогнутый хвост – ты стоишь на верхушке фронтона, ведь это ты? Если задрать голову и взглядеться повнимательней, хвост начинает слегка подрагивать, пасть полуощеривается.... Пить надо меньше, одергиваю я себя, раз уж невинная черно-серая ворона, опустившаяся на навес крытого мостика, показалась тебе Туулой» [3, с. 126]; «не выскакивай замуж, я ведь могу и вернуться когда-нибудь, жди! Не волнуйся, зайка, триппер ты не подцепил!» [3, с. 138].

⁽²⁾ Здесь и далее перевод англоязычных цитат наш. – Д.П.

Список использованной литературы

1. *Венцлова, Т.* Роман без вранья // Кунчинас, Ю. Туула: Роман; Менестрели в пальто маски: Рассказы / Пер. с лит. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. – С. 5 – 10.
2. *Венцлова, Т.* Вильнюс: Город в Европе / Пер. с лит. Марии Чепайтите. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. – 264 с.
3. *Кунчинас, Ю.* Туула: Роман; Менестрели в пальто маски: Рассказы / Пер. с лит. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. – 464 с.
4. *Kunčinas, J.* About My Work // *The Earth Remains: An Anthology of Contemporary Lithuanian Prose* / trans. and ed. by L. Sruoginis. – Vilnius: Tyto alba, 2002. – P. 136 – 138.
5. *Social Change: Contemporary Lithuanian Literature: Anthology* / introduction and selection: N. Klišienė. – Vilnius: International Cultural Programme Centre, 2012. – 155 p.

Сведения об авторе

Половцев Денис Олегович – заведующий кафедрой теории и практики перевода Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент (Минск, Республика Беларусь).

Адрес для переписки: 25,901, ул. Академическая, 220072, Минск, Беларусь.

Телефон: +375(17) 284-00-22

E-mail: dzianispol@list.ru

J. KUNČINAS'S NOVEL «TŪLA»: MARGINAL DISCOURSE

The article examines the marginal discourse in the novel «Tūla» by the famous Lithuanian writer, poet, essayist J. Kunčinas. The author of the article has found out that the novel is a multilayered work of art in which the poetics of the insane and the erotic is intertwined with the philosophy of vagrancy, the mechanism of transforming a man into a tramp and the psychology of a lumpen. J. Kunčinas's underdog can preserve human dignity in totalitarian society.

J. Kunčinas, marginal, vagrancy philosophy, poetics, discourse.

Author's Data

Polovtsev Denis Olegovich – Head of the Translation Department, Belarusian State University, Candidate of Philology, Associate Professor (Minsk, Belarus.)

The address for correspondence: 25-901, Akademicheskaya Str., 220072, Minsk, Belarus.

Phone: +375(17) 284-00-22

E-mail: dzianispol@list.ru